

Традиция антиутопии в прозе А. Рубанова 2010-х годов

Шорина Татьяна Олеговна

Студент (магистр)

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Филологический факультет, Саранск, Россия

E-mail: tanyashorina1993@gmail.com

Общеизвестно, что антиутопическая традиция оказывается в литературе XX века одной из доминирующих [1–4], причины чего видятся в известных идеологических обстоятельствах и социокультурном контексте эпохи, причем именно антиутопия знаменует мировоззренческий и духовный кризис новейшего времени. Как это ни парадоксально, «рифмующееся» с первым десятилетием советской эпохи, когда слом утопического мышления, сама угроза технократии и нарождающегося тоталитаризма оказывалась предметом писательской рефлексии в замятинском «Мы», «Гибели Главного Города» Е. Зозули, «Ленинграде» М. Козырева, начало 2000-х годов становится подлинным «бумом» антиутопий, чьё появление вновь было связано с неопределенностью будущего и угрозой неконтролируемого технического прогресса: достаточно вспомнить, к примеру, «Media Sapiens» С. Минаева, «День опричника» В. Сорокина, «Теплоход “Иосиф Бродский”» А. Проханова, «2017» О. Славниковой и др. Таким образом, актуальность настоящего исследования объясняется не только пристальным вниманием к антиутопии отечественных и западных прозаиков, остро реагирующих на процесс обезличивания человека, утрату идентичности личности и социума и шире – общецивилизационный кризис, но и необходимостью выявления специфики репрезентации жанровой традиции антиутопии в литературе начала нового тысячелетия как маркера одной из ключевых тенденций современного литературного процесса, определения вектора её эволюции и трансформации.

Наиболее примечательно в этом контексте творчество А. Рубанова, в чьих романах «Хлорофилия» (2009) и «Живая земля» (2010), составившие дилогию [5], преломляется антиутопическая традиция Е. Замятина, О. Хаксли и Дж. Оруэлла (замкнутость пространства: сужении России до пределов Москвы; мотивы противостояния «нормального» / «дикого» и наказания за проступки; отвержение «идеальным» миром прошлого и тотальное наблюдение за гражданами; герой, стоящий вне системы и готовый на борьбу с ней). При этом современный прозаик не педалирует идею технологического прогресса как главную причину возникновения тоталитарного общества и антиутопического мира. Внимание акцентировано на критических последствиях активного развития общества потребления, где люди разучились создавать, трудиться, мыслить. Губительным становится не трава, выросшая, возможно, для спасения человеческой природы, но сами люди, которые разрушают самое себя, самость, возводя индивидуализм в абсолют, что ведет к тотальной деструкции социальных связей и в конечном итоге – к крушению цивилизации. Равно как и у предшественников, в антиутопическом мире дилогии А. Рубанова создается новая религия, основанная на тотальном и беспрекословном поклонении божественному (пропаганда Священной книги косвенно освещена в «Хлорофилии», в «Живой земле» она достигает апогея в погоне за присвоением семени стебля), но одержимость идеями, фанатизм ведет к расчеловечиванию, обезличиванию людей. Омертвевшее общество находится под угрозой потери самоидентификации, и главная задача героя-интеллекта – найти решение для спасения человеческой природы.

Во-вторых, равно как и его предшественники-антиутописты, А. Рубанов через призму возможно будущего показывает уже существующие социальные проблемы – потребительские отношения, активное распространение «нефильтрованной» информации, пассивный

образ жизни, нежелание властей решать насущные проблемы, обывателей же – менять мир и самих себя. Прозаик изображает то, что может случиться с Россией и ее гражданами, если они не возьмут ответственность за свои решения и поступки, перестанут думать и созидать. Протагонистом в обеих частях дилогии, равно как и в романах «Сажайте, и вырастет», «Великая Мечта», оказывается герой-интеллигент, порождение переломной эпохи, рефлектирующий, меняющий себя для того, чтобы усовершенствовать мир, готовый в первой части вырваться из системы тотального контроля во имя спасения себя и близких, во второй – противостоять сатирически заостренному омертвевшему миру Новой Москвы во имя сохранения человечества. Герой этот в «Живой земле» действует не один – у него есть учителя и наставники, в связи с чем можно говорить о синтезе традиций антиутопии и романа воспитания.

Наконец, будущее «со знаком минус» писатель изображает с помощью флористического мотива – человек в буквальном смысле превратится в растение, нуждающееся лишь в питании и солнечном свете.

Источники и литература

- 1) Ланин Б. Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 154–163.
- 2) Лукашенко И. Д. Антиутопия как социокультурный феномен начала XXI века // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 286–288.
- 3) Осьмухина О.Ю., Максинаев Р.И. Специфика преломления антиутопической традиции в повести Юза Алешковского «Николай Николаевич» // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. 2023. Том 16. Вып. 6. С. 1672–1677.
- 4) Осьмухина О. Ю., Харитонов А. Н. Антиутопическая традиция в ранней прозе братьев А. и Б. Стругацких. Статья первая // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. 2025. Том 18. Вып. 6. С. 2311–2318.
- 5) Рубанов А. В. Хлорофилия. Живая земля: романы. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 477 с.